

1 Перевод

Стоимость кредита зависит не от наличия за ним какого-либо золота, серебра или другого имущества, но исключительно от «платежеспособности» должника, а это зависит исключительно от того, имеет ли он, в свою очередь при наступлении срока платежа, достаточно кредитов, которые он может зачесть в долг. Если должник не имеет и не может приобрести кредиты, которые могут быть зачтены в счет его долгов, то владение этими долгами не имеет никакой ценности для кредиторов, которым они принадлежат. Продавая, повторяю, и только продавая — будь то продажа собственности, умений или земли, — мы приобретаем кредиты, с помощью которых мы освобождаемся от долгов — только по способности продавать благоразумный банкир оценивает ценность своего клиента как должника.

Долги, подлежащие оплате в определенный момент, могут быть аннулированы только путем зачета кредитов, которые доступны в этот же момент; это означает, что кредитор не обязан принимать оплату чужим долгом //394//, срок погашения которого наступает позднее. Отсюда следует, что человек платежеспособен только в том случае, когда он имеет кредиты, доступные здесь и сейчас, как минимум равные сумме его долгов, подлежащих уплате. Следовательно, если сумма его немедленных долгов превышает сумму его немедленных кредитов, реальная стоимость этих долгов перед его кредиторами упадет до суммы, которая сделает их равными сумме его кредитов. Это один из важнейших принципов торговли.

Еще один важный момент, о котором следует помнить, заключается в том, что когда продавец передал купленный товар и принял подтверждение долга от покупателя, сделка завершена, оплата покупки является окончательной; и новые отношения, возникающие между продавцом и покупателем, кредитором и должником, отличаются от купли-продажи.

На протяжении многих столетий, сколько мы не знаем, главным инструментом торговли была не монета, а бирка, 5 (лат. *talea*. фр. *taille*. нем. *Kerbholz*), прямоугольный брусок орешника с высеченной суммой покупки или долга. Имя должника и дата сделки были написаны на двух противоположных сторонах палки, которая затем разделялась посередине таким образом, что эти насечки были разрезаны пополам, а имя и дата оставались на обоих концах палки. Разрез оставляли поперек примерно в дюйме от основания палки, так что один из кусков был короче другого. Одна часть, называемая «запасом», выдавалась продавцу или кредитору, тогда как другая, называемая «корешком» или «встречным запасом», оставалась у покупателя или должника. Таким образом, обе половины представляли собой полную запись кредита и долга, а должник был защищен своим корешком от мошеннической имитации или подделки его бирки.

Труды современных археологов выявили множество древних предметов, которые можно с уверенностью назвать древними бирками или инструментами совершенно аналогичного характера; так что едва ли можно сомневаться в том, что торговля с самых первобытных времен велась посредством кредита, а не с помощью какого-либо «средства обмена».

В сокровищницах Италии было найдено много кусков меди, обычно сплавленных с железом. Самые ранние из них, которые датируются периодом между 1000 и 2000 годами до нашей эры, за тысячу лет до введения монет, называются *aes rude* и представляют собой либо бесформенные слитки, либо отлитые круглые диски. Более поздние находки, называемые *aes signatum*, отлиты в виде лепешек или табличек и украшены различными приспособлениями. Известно, что эти куски металла использовались в качестве денег, и их использование продолжалось некоторое время после введения монет.

Характерной особенностью *aes rude* и *aes signatum* является то, что, за редким исключением, все находки были преднамеренно сломаны во время изготовления, когда металл был еще горячим и ломким или //395// «коротким», как это называется технически. Стамеску ставили на металл и наносили легкий удар. Затем долото убирала, и металл легко проламывался ударом молотка, причем один кусок обычно был намного меньше другого. Нет никаких сомнений в том, что это были древние бирки, сломанный металл предоставлял должнику такую же защиту, как и разломанные пополам деревянные бруски в более поздние времена.

Состояние ранних римских монет показывает, что обычай отламывать часть от них — таким образом доказывая их достоверность — был общепринятым явлением вплоть до того времени, когда отливка монет была заменена более совершенным методом их чеканки.

В Таранто, древнегреческой колонии Тарент, недавно был найден клад, в котором находилось несколько плиток из серебра (чистого или неблагородного металла - не указано) со штампом, подобным тому, который был найден на ранних греческих монетах. У всех у них намеренно отломан кусок. Найдены также тонкие диски, от которых отрезаны или оторваны куски так, что остается неравномерно зазубренный край.

В Германии было найдено несколько слитков сплава серебра того же возраста, что и итальянские медные диски. Хотя некоторые из них целые, у других с одного конца отрезан кусок.

Среди недавних находок в древней Вавилонии наиболее распространенными коммерческими документами, которые были найдены, являются так называемые «договорные таблички» или «таблички шубати» — слово шубати, которое присутствует почти на всех из них, означает «полученный». Эти таблички, самые старые из которых использовались от 2000 до 3000 лет до н.э., сделаны из обожженной или высушенной на солнце глины, напоминают по форме и размеру обычную лепешку туалетного мыла и очень похожи на итальянские медные диски. Большинство из них представляют собой простые записи сделок с использованием термина «она», которое археологи понимают как своего рода зерно.

На них нанесены следующие надписи:

Количество зерна.

Слово «шубати» или получил.

Имя лица, от которого получено.

Имя лица, получившего.

Дата.

Печать получателя или, когда получателем является король, печать его «писца» или «слуги».

Судя по частоте, с которой эти таблички встречаются, по прочности материала, из которого они сделаны, по заботе, с которой они хранились в храмах, которые, как известно, служили банками, и особенно по характеру надписи, можно судить, что они являются аналогом средневековых бирок и современных векселей; иными словами, они представляют собой простое признание долга, данного покупателем продавцу в счет оплаты покупки, и что они были обычным инструментом торговли.

Но, быть может, еще более убедительным доказательством их природы является тот факт, что некоторые таблички целиком заключены в плотно прилегающие глиняные обложки, или, как их называют, «футляры», которые приходится разламывать //396 // до того, как можно будет осмотреть саму табличку. На этих так называемых «футлярных планшетах», надпись находится на корпусе и повторяется на вложенной табличке с двумя заметными пропусками. Имя и печати получателя внутри не было. Несомненно, что повторение описания сделки на внутренней табличке, которую можно прочесть только уничтожив обложку, было необходимо, как и в предыдущих случаях, для защиты должника от подделки его таблички. Особое значение этих «сдельных табличек» заключается в том, что они, очевидно, не предназначались как простые записки, остающиеся в руках должника, а были подписанными и запечатанными документами, выдаваемыми кредитором, и, несомненно, переходили из рук в руки, как счета и векселя. Когда долг был оплачен, считается, что табличку принято было ломать.

Мы, конечно, почти ничего не знаем о торговле в те далекие дни, но что мы знаем точно, так это то, что она была достаточно большой и что передача кредита из рук в руки была таких же обычным делом для вавилонян, как и для нас. У нас есть счета крупных торговых или банковских фирмах, принимавших участие в государственных сделках и сборе государственных налогов, как это делали великие гемуэзские и флорентийские банкиры в средние века и как наши банки делают сегодня.

В Китае, во времена Вавилонской империи, мы находим банки и кредитные инструменты задолго до того, как появились какие-либо монеты, и на протяжении практически всей китайской истории, насколько мне удалось узнать, монеты всегда были лишь символами.

Нет никаких сомнений в том, что кредит гораздо старше наличных денег.

От этого экскурса в историю далеких веков я теперь возвращаюсь к рассмотрению методов ведения бизнеса во времена, более близкие к нашим, и все же заходящие достаточно далеко в прошлое, чтобы убедить самого скептически настроенного читателя в древности кредита.

Бирки были оборотными инструментами, такими же, как векселя, банкноты или монеты. Частные жетоны (по крайней мере, в Англии и американских колониях) использовались главным образом для совсем небольших сумм — пенни или полпенни — и выпускались торговцами всех мастей. Как

общее правило, вся торговля на протяжении многих столетий велась исключительно с помощью бирок. С их помощью осуществлялась покупка товаров, денежные займы и погашения долгов.

Расчетные палаты древности представляли собой крупные периодические ярмарки, куда приходили большие и малые купцы, принося с собой свои бирки, чтобы зачесть взаимные долги и кредиты. Над ярмарками назначались «Юстиции», чтобы выслушивать и разрешать все коммерческие споры, а также «подтверждать корректность бирок в соответствии с коммерческим законом, если истец желает этого». Крупнейшей из этих ярмарок в Англии была ярмарка Сент-Джайлс в Винчестере, тогда как наиболее известными, вероятно, во всей Европе были ярмарки Шампани и Бри во Франции, на которые съезжались купцы и банкиры со всех стран. Устанавливались обменные пункты, а долги и кредиты погашались в огромных суммах без использования единой монеты.

//397// Происхождение ярмарок, о которых я говорил, теряется в тумане древности. Большинство дошедших до нас хартий, дающих феодалам право проводить ярмарки, предусматривают сохранение древних ярмарочных обычаев, показывая, таким образом, что они датируются еще до хартии, которая просто определяла положение феодала. Эти ярмарки были настолько важны, что личность и имущество приезжавших на них купцов повсюду считались священными. Князья выдавали купцам охранные грамоты для прохода через свои территории во время войн, а за нападение на них предусматривалось суровое наказание. Очень распространенной практикой при составлении контрактов было оформление долгов с оплатой на той или иной ярмарке, место, в котором долги выплачивались, называлось *ragamentum*. Обычай проведения ярмарок не ограничивался средневековой Европой. В Древней Греции они проводились под названием *panegyris*, а в Риме их называли *pundinae*, название, которое также часто использовалось в средние века. Известно, что они проводились в Месопотамии и Индии. В Мексике они зафиксированы историками, изучавшими войны, а на ярмарках Египта можно было увидеть обычаи, известные Геродоту.

На некоторых ярмарках не велось никаких других дел, кроме погашения долгов и кредитов, но на большинстве велась бойкая розничная торговля. Мало-помалу, по мере того как правительства развивали свои почтовые системы и росли могущественные банковские корпорации, ценность ярмарок как и расчетных палат уменьшалась, и они перестали посещаться для этой цели, долго оставаясь не чем иным, как праздничными собраниями, пока, наконец, их не осталось совсем немного, а те лишь тень их бывшего величия.

Связь между религией и финансами имеет важное значение. Именно в храмах Вавилонии было найдено большинство, если не все коммерческие документы. Иерусалимский храм частично был финансовым или банковским учреждением, как и храм Аполлона в Дельфах. Европейские ярмарки проводились перед церквями и назывались именами святых, во время праздника которых они проводились. В Амстердаме биржа располагалась перед или, в плохую погоду, в одной из церквей.

Эти старые ярмарки представляли собой странную смесь финансов, тор-

говли, религии и сборищ, причем последние часто пересекалось с церковными мероприятиями, вызывая недовольство священников, боящихся наказания свыше за осквернение святыни.

Нет никаких сомнений в том, что прародителем этих ярмарок были религиозные праздники, и что торговля, которая там велась, была их более поздним развитием. Если это так, то связь между религией и уплатой долгов является еще одним доказательством, если таковые еще нужны, того, что кредит – крайне древнее явление.

Особенно интересен подход, используемый правительствами для работы с долгами и кредитами. Как и любое частное лицо, государство платит, отдавая некоторое подтверждение //398// задолженности – вексель от имени Королевского казначейства, или от какой-либо другой ветви правительства, или от имени государственного банка. Это хорошо видно в средневековой Англии, где правительство регулярно использовало метод оплаты кредиторам путем составления бирки на имя таможи или любого другого отдела, получающего доходы, то есть путем предоставления кредиторам в качестве залога некоторого подтверждения задолженности. Счета казначейства полны следующих записей: «Томасу де Белло Кампо, графу Уорику, по нескольким счетам, собранным в этот день, включая 500 марок, доставленных тому же графу». «... по одному счету, собранному сегодня с мелких таможенных пошлин в лондонском порту, суммой в 40 фунтов стерлингов». Система не была окончательно заброшена до начала девятнадцатого века.

Ранее я объяснял, как такие подтверждения задолженности приобретают ценность в случае частных лиц. Мы все вовлечены в покупку и продажу, мы производим товары, возделываем землю, продаем наш ручной или интеллектуальный труд, или использование нашей собственности, и единственный способ, которым мы можем получить оплату за услуги, которые мы таким образом оказываем, – путем получения соответствующих бирок от наших покупателей, которые мы сами даем в оплату подобных услуг, которые получаем от других.

Но правительство ничего не производит на продажу и совсем или почти не владеет собственностью; какую же ценность в таком случае имеют бирки на имя государства для кредиторов? Они приобретают свою ценность следующим образом. Законом определены лица, которые становятся должниками государства. В нем говорится, что такой-то и такой-то, ввозящий товары из-за границы, должен столько-то правительству за все, что он ввозит, или что такой-то, владеющий землей, должен столько-то правительству за акр (Земельная мера в Англии и Америке). Эта процедура называется взиманием налога, и определенные законом лица, в теории должны искать владельцев бирок или векселей или других документов, подтверждающих, что они дали правительству в долг, и приобретать у них эти бирки путем продажи им какого-либо товара или оказывая им какую-либо услугу. Когда бирки возвращаются в государственную казну, налог считается уплаченным. Убедиться в достоверности данного подхода можно, изучив старинные отчеты шерифов Англии. Они были сборщиками внутренних налогов и должны были периодически привозить собранное в Лондон. Большую часть их сбо-

ров всегда составляли казначейские бирки за редкими исключениями, когда налоги также выплачивались монетами.

Распространенное мнение о том, что казна была местом хранения и оборота золота с серебром является заблуждением. Практически вся деятельность английского казначейства состояла в выдаче и получении бирок, в сопоставлении ранее упомянутых запаса и корешка, как в народе называли две части бирки, в ведении счетов государственных должников и кредиторов, а также аннулировании бирок при их возврате в казну. По сути, это была большая расчетная палата для государственных кредитов и долгов.

//399// Теперь мы можем перейти к эффекту «mutations de la monnaie» (фр. "изменение валюты"), который я упомянул как один из финансовых приемов средневековых французских королей. Монеты, которые они выпускали, были доказательством долга, с помощью которых они, например, выплачивали заработную плату своим солдатам и матросам. Когда они произвольно уменьшали официальную стоимость своих монет, они на столько же уменьшали сумму задолженности правительства перед держателями монет. Это был прямолинейный и готовый метод налогообложения, который, касаясь большого количества людей, был достаточно справедливым, при условии, что им не злоупотребляли.

Само собой, в древние времена налогоплательщикам не приходилось буквально искать владельцев бирок. Это делалось через банкиров, которые с давних времен были финансовыми агентами правительств. В Вавилоне это были сыновья Эгиби и сыновья Марашу, в средневековой Европе — еврейские, флорентийские и генуэзские банкиры, чьи имена фигурируют в истории.

Нет сомнений в том, что банковское дело было распространено в Европе благодаря евреям Вавилонии, которые расселились по греческим колониям на азиатском побережье, на материковой части Греции и в прибрежных городах Северной Африки задолго до христианской эры. Они путешествовали на запад и поселялись в городах Италии, Галлии и Испании либо до, либо вскоре после христианской эры, и, хотя историки считают, что они достигли Британии только во времена римского завоевания, мне кажется весьма вероятным, что евреи Галлии имели своих агентов в английских прибрежных городах, работающих против Галлии, и что первые британские монеты были главным образом их работой.

Денежная единица — это произвольное обозначение, с помощью которого товары измеряют в терминах кредита и которое, следовательно, служит более или менее точной мерой стоимости всех товаров. Фунты, шиллинги и пенсы — это просто a , b , c в алгебре, где $a = 20$ $b = 240$ c . Возможно, они когда-то обозначали определенное количество или вес какого-либо товара, но наверняка это неизвестно. Даже если когда-то это было правдой, особой разницы нет, так как это уже давно не так. Пусть единица когда-то использовалась для измерения товара. Предположим, например, что в начале истории какой-то купец счел нужным вести счета своих покупателей в определенном весе серебра, называемом шекемом, термин, широко употреблявшийся в древности. Серебро, конечно, было таким же товаром, как

и любой другой; не существовало закона о платежном средстве, и никто не был обязан выплачивать свои долги серебром, так же как никто не был обязан принимать серебро в уплату долгов. Долги и кредиты противопоставлялись друг другу, как это происходит и сегодня. Предположим, что сто бушелей зерна и шекель серебра имеют одинаковую стоимость. Все будет хорошо, пока цена обоих не меняется; человек, принесший купцу шекель серебра или сто бушелей зерна, в равной степени может оплатить кредит размером в один шекель и тем, и другим. Но предположим, что по какой-то причине стоимость //400// серебра упала, так что сто бушелей зерна теперь обменивались бы не на шекель серебра, а на шекель и одну десятую. Что тогда произойдет? Будут ли все кредиторы купца внезапно проигрывать, потому что их кредит был записан в шекелях серебра, а должники купца выиграют в той же пропорции, хотя их сделки, возможно, не имели никакого отношения к серебру? Очевидно нет; вряд ли кредиторы согласились бы потерять десятую часть своих денег только потому, что купец счел удобным вести свои счета в шекелях. Произойдет же следующее: владелец шекеля серебра, цена которого упала, будет извещен купцом, что серебро пошло на уценку, и что в будущем его кредиты будут пересчитаны. Кредитный шекель и шекель серебра (в смысле меры массы) больше не будут одним и тем же; денежная единица, называемая шекелем, возникнет без определенного отношения к весу металла, название которого она носила, и изменение стоимости серебра не повлияет на долги и кредиты купцов и их покупателей. Недавний автор приводит пример этого, упоминая случай ведения счетов в бобровых шкурах. Расчетная шкура бобра оставалась фиксированной в цене и равнялась двум шиллингам, в то время как реальная шкура менялась по стоимости, причем одна реальная шкура стоила несколько воображаемых расчетных шкурок.

Все наше современное законодательство, устанавливающее цену на золото, является просто пережитком позднесредневековой теории о том, что катастрофическая изменчивость денежной единицы имеет некую таинственную связь с ценой драгоценных металлов и что если бы эту цену можно было контролировать и сделать её постоянной, денежная единица также оставалась бы неизменной в цене. Нам трудно осознать обстановку тех времен. Люди часто видели, как цены на вещи первой необходимости росли с большой скоростью, так что изо дня в день никто не знал реальную стоимость своего дохода в товарах. В то же время они видели, что драгоценные металлы дорожали, так же как и монеты из высококачественного золота или серебра, в то время как находившиеся в обращении монеты не менялись в цене, но уменьшились в весе из-за срезов. Они видели очевидную связь между этими явлениями и вполне естественно приписывали падение стоимости денег повышению стоимости металлов и, как следствие, плачевному состоянию чеканки. Они перепутали причину и следствие, а мы унаследовали их ошибку. Было предпринято много попыток регулировать цены на драгоценные металлы, но до девятнадцатого века всегда безуспешно.

Основной причиной денежных потрясений средних веков был не рост цен на драгоценные металлы, а падение стоимости кредитной единицы из-

за опустошительных войн, чумы и голода. Сегодня мы с трудом осознаем, в какое ужасное состояние эти три причины время от времени приводили Европу. Историк описывает состояние Франции в четырнадцатом и пятнадцатом веках следующим образом:

«Последствия ограблений враждебных земель английской армией были ужасны, так же как и французскими войсками своих собственных земель, бродячие банды недисциплинированных солдат, которых можно было назвать //401// инстинктивными грабителями, были еще страшнее, и за всем этим, если такое возможно, страшнее английской или французской армий были шайки преступников, выпущенных из тюрьмы и совершавших всякого рода подлости, а также шайки разъяренных ограбленных крестьян, которые покидали свои укрытия в лесах и пещерах и сжигали всё, что не было уничтожено до них. Никогда во всей истории Франции бедствие не было столь всеобщим и чудовищным... От Соммы до границ Германии, в радиусе трехсот миль, вся страна состояла из безмолвного клубка колочек и кустарников. Люди либо погибали, либо бежали в город, спасаясь от беспощадного произвола вооруженных бандитов. И даже это с трудом можно было назвать приютом; города страдали так же, как и сельские районы, волчьи стаи, покидающие леса из-за отсутствия пищи, искали свою добычу на улицах. . . . Война за стенами стимулировала более ожесточенную войну внутри; голод шел вровень с войной; неизвестные формы болезней, которые летописцы тех времен объединяют названием «черной смерти» или «чумы», рождались от голода и перешагивали самые высокие стены, пробивали крепчайшие ограды и буйствовали в переполненных городах. Было подсчитано, что две трети населения Франции пали перед ужасным причинением себе вреда войной, чумой и голодом».

«Страдания пятнадцатого века едва ли были менее ужасны, чем страдания четырнадцатого, и картина в Англии, мало чем отличалась от картины во Франции».

«В то время как северные страны, вплоть до стен Ланкастера и берегов Мерси с одной стороны Англии, и до ворот Йорка и устья Хамбера с другой, разорялись шотландцами, и пока французские, Фламандские, шотландские и другие пираты сжигали города и убивали жителей восточных, западных и южных берегов Англии или уводили их в рабство, на эту страну были выпущены два других врага. Голод и мор, плоды войны, уничтожавшие то, что не было тронуто человеком».

Снова и снова страну охватывали голод и эпидемии, ящур косил овец и стада. Подобное имело место на протяжении всей войны, а не только в первые её дни. Положение Германии в конце Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) было столь же плачевным, как и положение Англии и Франции в четырнадцатом столетии.

Покупки оплачиваются продажами, или, иными словами, долги оплачиваются кредитами, и, как я уже говорил, стоимость кредита зависит от того, является ли должник также и кредитором; в ситуации, подобной той, которую я описал (хотя не следует думать, что не было периодов процветания), торговля практически останавливалась, кредиты имели малую ценность. В

то же время правительства накопили большие долги для содержания своих армий и ведения непрерывных военных операций и были не в состоянии взимать налоги, которыми должны были всё это оплачивать. Невозможно было, чтобы при таких условиях стоимость кредита (другими словами, стоимость денежной единицы) не падала. Абсолютно незачем искать мнимые причины обесценивания монет, чтобы объяснить это явление.

Читатель мог бы возразить, что несмотря на методы ведения торговли в старинные времена и научную теорию, //402// в настоящее время золото действительно используется для осуществления платежей. Доллар или соверен, скажет он, — это определенный вес золота, и мы по закону имеем право расплатиться ими с нашими долгами.

Но так ли всё просто на самом деле? Рассмотрим, например, ситуацию в Соединенных Штатах. Правительство принимает любое золото стандартной пробы и выдает в обмен золотые монеты по весу или бумажные сертификаты, эквивалентные таким монетам. На первый взгляд кажется, что единственное, что произошло: золото разрезали на части определенного веса и отштамповали их государственным клеймом, гарантирующим их вес и пробу. Но действительно ли все так просто? Ни в коем случае. На самом деле правительство поставило на золотые монеты печать, гарантирующую, что оно получит их назад в счет уплаты налогов или любых других долгов. Выпустив монету, правительство взяло на себя обязательство перед ее владельцем точно так же, как если бы оно совершило у него покупку, то есть обязалось принять эту монету в счет уплаты налога или другого долга, таким образом позволив деньгам владельца обрести ценность.

Из-за нанесенного на него клейма, золото из простого товара превратилось в знак долга. Банк Англии покупает золото и выдает взамен монеты, банкноты или кредит на лицевой счет. В Соединенных Штатах золото депонируется на Монетном дворе, и вкладчик получает взамен либо монеты, либо бумажные сертификаты. Как вкладчик, так и банк одинаково получают кредит, первый на банк, а второй прямо на государственную казну. Эффект один и тот же в обоих случаях. Монета, бумажные сертификаты, банкноты и кредит на банковский счет — все они идентичны по своей природе. Драгоценный камень или бесполезный клочок бумаги могут в равной степени быть знаком долга, если получатель знает, что он означает, и дающий признает свое обязательство принять его обратно в уплату причитающегося долга.

Таким образом, деньги — это кредит и ничего, кроме кредита. Деньги А — это долг Б перед ним, и когда Б выплачивает свой долг, деньги А исчезают. В этом вся теория денег.

Долги и кредиты постоянно пересекаются друг с другом, чтобы одно можно было списать в счет второго, и задача банкира состоит в том, чтобы свести их вместе. Это делается двумя способами: либо путем дисконтирования векселей, либо путем предоставления займов. Первый является более старомодным методом, и в Европе основная часть банковского бизнеса состоит из дисконтов, в то время как в Соединенных Штатах более обычная процедура — это займы.

Процесс дисконтирования векселей выглядит следующим образом: А продает товары В, С и D, которые, таким образом, становятся должниками А и передают ему свои подтверждения долга, которые технически называются переводными векселями или, короче, векселями. Другими словами, А даёт в займы В, С и D. А покупает товары у Е, F и G и отдаёт каждому по векселю. Это означает, что Е, F и G дали в займы А. Если бы В, С и D могли продать //403// товары Е, F и G и принять в оплату векселя, которое им отдал А, они могли бы вернуть их А и тем самым освободиться от своего долга. Пока торговля происходит в узком кругу, скажем, в одной деревне или в небольшой группе близлежащих деревень, В, С и D могли бы действительно получить векселя от Е, F и G. Но как только торговля расширилась и различные должники и кредиторы стали жить далеко друг от друга, очевидно, что торговля не могла бы продолжаться без какой-либо системы централизации долгов и кредитов. Затем возник купец или банкир, последний был лишь более специализированной разновидностью первого. Банкир покупает у А векселя, полученные от В, С и D, и теперь А становится кредитором банкира, а последний, в свою очередь, становится кредитором В, С и D. Кредит А банкиру называется вкладом, а он в свою очередь называется вкладчиком. Е, F и G также продают банкиру векселя, которые они получили от А, и когда наступает срок их оплаты, банкир дебетует А на эту сумму, таким образом аннулируя свой прежний кредит. Долги и кредиты А были «погашены», и его имя выпадает, оставляя В, С и D должниками банка, а Е, F и G — соответствующими кредиторами. Тем временем В, С и D ведут дела и в оплату произведенных ими продаж получают векселя на Н, I и К. Когда их первоначальные векселя, находящиеся у банкира, подлежат оплате, они продают ему векселя, которые они получили от Н, I и К. Таким образом, их долги и кредиты, в свою очередь, «погашаются», и их имена выпадают, оставляя Н, I и К должниками, а Е, F и G кредиторами банка и так далее. Современная банкнота является прямым потомком средневековой бирки и более древней вавилонской глиняной таблички.

Теперь рассмотрим, как тот же результат достигается с помощью выдачи займов вместо покупки и продажи векселей. В этом случае действия с банком совершаются до непосредственной купли-продажи. В, С и D, прежде чем покупать требуемые им товары, заключают с банкиром соглашение, по которому он обязуется стать должником А вместо них, а они в то же время соглашаются стать должниками банкира. Заключив это соглашение, В, С и D совершают покупки у А и вместо того, чтобы дать ему свои векселя, которые он продал бы банкиру, они дают ему вексель непосредственно от имени банкира. Эти переводные векселя называются чеками или траттами.

Очевидно, что суть подхода остается неизменной при любой процедуре, долги и кредиты погашаются одним и тем же способом. Есть небольшая разница в деталях, но на этом все.

Таким образом, существует постоянный оборот долгов и кредитов, проходящих через банкира, который сводит их воедино и оплачивает по мере наступления соответствующих сроков погашения. В этом состоит вся бан-

ковская наука, какой она была за три тысячи лет до Рождества Христова и какая она есть сегодня. Среди писателей-экономистов распространено заблуждение, что банк изначально был местом безопасного хранения золота и серебра, которые владелец мог вынимать по мере необходимости. Идея полностью ошибочна, и в этом можно убедиться, изучая историю работы древних банков.

//404// Какую бы коммерческую или финансовую операцию мы не исследовали, будь то покупка овощей на рынке или выдача государством займа в миллиард долларов, мы видим во всех них один и тот же принцип; либо старый кредит переносится с одного лица на другое, либо создаются новые, и государство, или банкир, или крестьянин процветают или банкротятся в зависимости от того, соблюдается или нет принцип, согласно которому долги при наступлении срока должны быть погашены другими кредитами.

Цель каждого хорошего банкира состоит в том, чтобы в конце каждого рабочего дня его долги перед другими банкирами не превышали задолженности этих банкиров перед ним, и, кроме того, сумму «законных денег» или кредитов правительству в его владении. Это требование ограничивает сумму денег, которую он может «одолжить». Он знает по опыту с хорошей точностью сумму чеков, которые ему придется предъявить к оплате другим банкирам, и сумму тех, которые будут предъявлены к оплате ему, он откажется покупать векселя или давать деньги взаймы, т. е. брать на себя нынешние обязательства в обмен на будущие платежи, если, поступая таким образом, он рискует иметь меньше долгов, подлежащих выплате ему в определенный день, чем у него будет кредитов, доступных в этот день для уплаты своих долгов. Следует помнить, что кредит, подлежащий оплате в будущем, не может быть немедленно зачтен в счет долга, причитающегося другому банкиру. Долги и кредиты, подлежащие взаимозачету, должны быть «выплачены» в одно и то же время.

Слишком большое значение в народе придается тому, что в Англии называется денежными средствами на руках, а в Соединенных Штатах резервами, т.е. количество законных денег во владении банка, и обычно подразумевается, что заемная способность банка зависит от размера его резервов. На самом деле эти запасы законных денег имеют с научной точки зрения не большее значение, чем любые другие банковские активы. Это просто кредиты, как и любые другие, и будут ли они составлять 25 или 10 процентов, или один процент, или четверть процента от суммы вкладов, это ни в малейшей степени не повлияет на платежеспособность банка, и это печально, что Соединенные Штаты в соответствии с законодательством придали значение тем резервам, которыми они никогда не должны были обладать. Такое законодательство, без сомнения, было связано с ошибочным мнением, которое выросло в наши дни, что вкладчик имеет право на выплату своего вклада золотом или «законными деньгами». Я не знаю ни одного закона, прямо дающего ему такое право, да и при нормальных условиях, во всяком случае, он бы его не имел. Вкладчик продает своему банкиру свое право на чей-то долг, и, собственно говоря, его единственное право, пока банкир платежеспособен, состоит в том, чтобы передать этот заем кому-то друго-

му, если последний решит его принять. Но законы о платежном средстве, принятые большинством стран, привели к косвенным последствиям, которые изначально никто не предвидел. Цель таких законов состояла не в том, чтобы сделать золото или серебро платежным стандартом, а в том, чтобы заставить кредиторов принимать в уплату вданного //405// ими займа в монетах, выпущенных правительством по официально установленной для них стоимости, независимо от того, из какого металла они были сделаны; и обоснование этих законов заключалась вовсе не в том, чтобы зафиксировать законные средства для уплаты долга, а в том, чтобы поддерживать стоимость монет, которая, как я объяснил, была подвержена постоянным колебаниям либо по причине их удешевления правительством после выпуска, или из-за чрезмерного количества неуплаченных государством долгов.

Последствия этого заблуждения особенно печальны. Когда в умах вкладчиков возникают волнения, они немедленно требуют оплаты своего кредита монетами или их эквивалентом у государственного банка, "законными деньгами" — требование, которое никак не может быть выполнено, и в результате усиливают панику и распространяющуюся ложную идею о неплатежеспособности банка. Следовательно, в начале каждый банк пытается заставить своих должников выплатить свои долги монетами или займом правительству, а эти должники, в свою очередь, должны попытаться получить такой же платеж от своих должников, и, таким образом, они вынуждены максимально сократить свои расходы, чтобы защитить себя. Когда такое положение становится всеобщим, купля-продажа ограничивается малыми масштабами, а так как только путем покупки можно уменьшить кредиты, а продажей можно выплатить долги, то получается, что все требуют уплаты долга, и никто не может их оплатить, потому что никто не может ничего продать. Таким образом, паника вращается по замкнутому кругу.

Отмена закона о платежном средстве помогла бы смягчить такую ситуацию, заставив всех осознать, что, став вкладчиком в банке, человек продает свой кредит этому банку и не имеет права требовать оплаты монетой или государственными облигациями. При нормальных условиях банкир держал бы ровно столько монет и кредитов, выданных государству, сколько ему необходимо, чтобы удовлетворить тех своих клиентов, которые в них нуждаются, точно так же, как сапожник держит запас сапог различных видов, достаточный для нормальных условий его торговли; и банкир не может расплатиться со всеми своими вкладчиками наличными так же, как сапожник не мог бы снабдить всех своих клиентов одним типом сапогов, если бы с него вдруг этого потребовали. Если банкиры держат запас наличных денег больше, чем обычно требуется, то это происходит либо потому, что существует закон, обязывающий их это делать, как в Соединенных Штатах, либо потому что большой запас наличных денег дает людям уверенность в платежеспособности банка, снова возвращая к идее о необходимости «металлической основы» для займов; или еще потому, что вследствие //406// преобладания этой идеи может внезапно возникнуть ненормальный спрос на выплату вкладов в этой форме.

Наверное, тяжело сказать, насколько хорошо законы о платежном сред-

стве могут помочь с регулированием стоимости монет или банкнот. Не похоже на то, что они с этим справлялись в колониальные времена, и действительно, председатель Верховного суда Чейз в своем высказывании об известных делах о законных платежных средствах 1872 года выразил мнение, что их эффект был обратным; что вместо того, чтобы поддерживать ценность государственных банкнот, закон фактически имел тенденцию к их удешевлению. Как бы то ни было, и я не склонен соглашаться с г-ном Чейзом, мне кажется очевидным, что такие законы не являются необходимыми для поддержания денежной единицы страны. «Receivability for debts due the government», по словам председателя Верховного суда Чейза, по отношению к неразменным банкнотам, является реальной поддержкой валюты, в отличие от законов о платежном средстве.

Но можно возразить, что по крайней мере необходимо, чтобы правительство представляло некие стандартные «деньги», которые кредитор обязан принять в уплату своего долга, чтобы избежать споров о характере вещей, которые он мог бы принять в уплату. Но на практике никаких затруднений на этот счет не возникнет. Когда кредитор хочет, чтобы его долг был уплачен, он обычно имеет в виду, что хочет сменить своего должника; то есть он хочет стать кредитором банка, чтобы иметь возможность легко воспользоваться кредитом или сохранить его в безопасности. Поэтому он настаивает на том, чтобы каждый частный должник, когда приходит время уплаты долга, переводил ему кредит на банкира с хорошей репутацией; и каждый платежеспособный должник может таким образом уплатить свой долг. Нет необходимости в каком-либо законе; весь процесс регулируется автоматически.

Во время отсутствия денежных платежей в Англии в течение более двадцати лет, с 1797 по 1820 год, в обращении не было золотых монет, ее место заняли банкноты Банка Англии, которые не были законным платежным средством и стоимость которых постоянно менялась в пересчете на золото. Однако, такое положение дел не повлияло на торговлю, которая велась так же, как и раньше. Китай (и, я полагаю, другие азиатские страны) вряд ли мог бы поддерживать внутреннюю торговлю без такого закона, если бы он был настолько важен.

Ничто не вызывает такой путаницы, как вопрос о происхождении банкноты. Как правило, предполагается, что они заменяют золото, и поэтому строгий контроль над эмиссией необходим для их безопасности. В Соединенных Штатах говорят, что выпуск банкнот "основан" на государственном долге, а в Англии - что на золоте. Считается, что их стоимость зависит от того факта, что их можно конвертировать в золото, но и здесь история опровергает теорию. В течение указанного периода, когда Банк Англии приостановил выплаты в золоте, и знаменитый Золотослитковый комитет был вынужден признать, что золотого стандарта больше не существовало, стоимость банкноты в стране не пострадала, что подтверждалось словами современников с большим опытом ведения бизнеса. Если золото и поднялось в цене, //407// а Английская банкнота наоборот - упала, то это было связано, согласно Томасу Туку и его знаменитой "Истории цен с тем фактом,

что Великобритания, своими огромными расходами за рубежом на военные операции, а также субсидиями другим государствам, накопила долг, который значительно превышал сумму выданных ей кредитов в этих странах, и падение стоимости английского фунта в пересчете на деньги других стран было естественным результатом. Когда долги были постепенно ликвидированы, а английская валюта вернулась к своей нормальной стоимости, цена на золото, само собой, упала в пересчете на фунт.

Опять же, когда в течение многих лет греческие деньги были обесценены в зарубежных странах, что в свою очередь было связано с чрезмерной задолженностью Греции перед другими странами, ничто так не способствовало восстановлению паритета, как растущее число депозитов, выплачиваемых в греческих банках из сбережений греческих эмигрантов, уезжавших в США. Эти депозиты представляли из себя задолженность Соединенных Штатов перед Грецией и покрывали периодические платежи, которые Греция должна была производить в счет процентов по своему внешнему долгу.

В Соединенных Штатах, в похожие времена, напротив, доллары обесценивались внутри страны из-за чрезмерной задолженности правительства перед народом.

Банкнота ничем не отличается по существу от записи в депозитной книге банка. Точно так же, как и такая запись, это признание долга банкира, и, как и все подтверждения подобного рода, это «обещание заплатить». Единственная разница между депозитной записью и банкнотой состоит в том, что одна написана в книге, а другая на отрывном листе; одно является подтверждением на имя вкладчика, другое - на имя «предъявителя». Оба эти метода регистрации долга банка имеют свое особое применение. В одном случае депозит или любая его часть могут быть переведены по чеку, а в другом случае он или его фиксированная часть могут быть переведены путем простой передачи из рук в руки.

Количественная теория денег побудила все правительства регулировать выпуск банкнот, чтобы предотвратить чрезмерную эмиссию «денег». Но идея о том, что в банкноте таится какая-то особая опасность, несостоятельна. Держатель банкноты — это просто вкладчик в банке, а выпуск банкнот — просто удобство для вкладчиков. Законы, регулирующие выпуск банкнот, могут сделать ограничения настолько гибкими, что сделает их бесполезными; или же они могут ограничить их таким образом, что создадут реальные неудобства для торговли, и в этом случае они будут помехой. Пытаться регулировать банковскую деятельность, ограничивая эмиссию банкнот, значит совершенно неправильно понимать всю банковскую проблему и начинать не с того конца. Опасность заключается не в банкноте, а в неосмотрительных или нечестных банках. После того, как появится уверенность, что банковское дело будет осуществляться честными людьми при правильном понимании принципов кредита и долга, выпуск банкнот может быть предоставлен самому себе.

Торговля, повторяю, никогда не имела ничего общего с драгоценными металлами, и если бы все золотые и серебряные монеты, которые сейчас есть в мире, //408// исчезли бы, то она велась бы точно так же, как и

раньше.

Миф о золоте в сочетании с законом о платежном средстве породил ощущение, что у центрального банка есть какая-то особая цель. Предполагается, что он выполняет важную функцию по защите запасов золота в стране. Этот орган – ещё одна попытка оправдать столетия безуспешных попыток зафиксировать цены на оба драгоценных металла правительствами Европы. В результате же удалось зафиксировать цену лишь на золото или, по крайней мере, удержать её в узких пределах.

Именно в 1717 году цена на золото была установлена законом по его нынешней стоимости в Англии, немного выше тогдашней рыночной стоимости, но только спустя некоторое время после окончания наполеоновских войн металл начал подчиняться королевскому мандату, у этого были две основные причины: большая стабильность стоимости кредита и огромный рост производства золота в течение девятнадцатого века. Первая из этих причин была результатом исчезновения эпидемий и голода и смягчения разрушений, сопровождавших предыдущие войны, а также лучшей организации правительств, особенно в том, что касается их финансов. Эти изменения привели к процветанию и стабильности стоимости кредитов — особенно государственных кредитов — неизвестных в прежние времена. Вторая причина препятствовала любому повышению рыночной стоимости золота, и обязывала правительство и Банк Англии покупать золото в любом количестве по фиксированной цене и продавать его снова практически по той же цене, предотвращая его обесценивание. Если бы они этого не сделали, можно с уверенностью сказать, что рыночная цена золота не была бы фиксирована - 3. 17. 10½ фунта стерлингов за унцию. Действительно, в течение нескольких лет после возобновления наличных платежей в Англии золото падало до 3. 17. 6 фунта стерлингов за унцию.

Правительства во всем мире, по сути, сговорились вместе, чтобы заработать на золоте и удерживать его непомерно высокую цену, что означало большую выгоду для владельцев шахт и потери для всех остальных. Результатом такой политики стало то, что миллиарды долларов в золоте лежат хранилищах банков и казначейств, где они будут находиться до тех пор, пока не будет принята более рациональная политика.

Ограничения вынуждают меня закончить эту статью здесь и не позволяют рассмотреть многие интересные вопросы, которые порождает кредитная теория денег; наиболее важным из которых, возможно, является тесная связь между существующими валютными системами и ростом цен.

Будущие поколения будут смеяться над своими предками из девятнадцатого и двадцатого веков, которые серьезно покупали золото, чтобы спрятать его, веря, что таким образом они повинуются высокому экономическому закону и увеличивают богатство и процветание мира.

Странное заблуждение, для поколения, которое гордится своими знаниями в области экономики и финансов и которое, будем надеяться, долго не проживет. Когда однажды драгоценный металл будет освобожден от оков законов, недостойных эпохи, в которую мы живем, кто знает, какое применение ему может быть уготовано во благо всего мира?